

Ведешкин М. А.

ЯЗЫЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ ХРИСТИАНИЗАЦИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ IV-VI ВВ.

СПб.: Алетейя, 2018. 358 с.
ISBN 978-5-906980-80-9

УДК 82-95 (94)
DOI: 10.31802/2658-4476-2019-3-3-323-333

В 2018 г. в издательстве «Алетейя» вышло в свет исследование сравнительно молодого, но уже зарекомендовавшего себя в научном мире историка М. А. Ведешкина, посвящённое изучению феномена языческой оппозиции в период позднего Рима и ранней Византии (IV–VI вв.). Вопрос, вокруг которого строится исследование, следует признать принципиальным для понимания той серьёзной трансформации общественной жизни, которая происходила в эпоху поздней Античности и сопровождалась борьбой различных групп внутри римской элиты.

Традиционно высокое внимание исследователей к собственно церковной истории IV–VI вв., как правило, отодвигало на периферию интерес к сохранявшемуся языческому культу и к определению места религиозного вопроса в политической борьбе. В результате, в отечественной науке до настоящего времени просто не было целостного труда, в котором анализировалось бы сопротивление языческой элиты процессу христианизации римского общества¹. Монография М. А. Ведешкина заполняет эту существующую в историографии лауну. Её автор делает акцент на том, как по мере обращения подданных Римской империи в христианскую веру, менялась политическая система самого римского общества, в частности, усиливалась центральная императорская власть на фоне ослабления региональных элит империи.

1 До последнего времени приходилось в этом вопросе опираться на труды уральского историка А. С. Козлова: *Козлов А. С. Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395–399 гг.* // Античная древность и средние века. 1976. Вып. 13. С. 24–37; *Козлов А. С. Основные направления политической оппозиции правительству Византии в 50 – начале 70-х гг. V в.* // Античная древность и средние века. 1983. Вып. 20. С. 24–39; *Козлов А. С. Политическая оппозиция Византии на рубеже V–VI вв.* // Античная древность и средние века. 1998. Вып. 29. С. 59–78.

Сразу же следует отметить избранный автором методологический подход, который сопровождает весь ход исследования. Называя себя приверженцем неомарксизма, М. А. Ведешкин стремится увидеть исторический процесс прежде всего как отражение «общественных противоречий, возникающих в ходе распределения продуктов материального производства», не умаляя при этом влияния идеологии и конкретных фигур (с. 9).

Монография состоит из двух частей, в которых последовательно анализируются действия языческой оппозиции на западе, а затем на востоке Римской (Византийской) империи. Также в книгу входят пять приложений, которые хотя и занимают не вполне привычное место (автор помещает их внутри глав, а не после основного текста), однако позволяют исследователю сделать образ языческой оппозиции в Римской империи более объёмным. Выделение в монографии двух частей и самостоятельное рассмотрение феномена оппозиции на западе и востоке империи дают автору возможность показать существенные различия, которые в эпоху поздней Античности всё больше проявлялись в судьбе западных и восточных провинций.

В первой части работы — «Языческая оппозиция в римском сенате» — основное внимание сосредоточено на исследовании сенаторской аристократии на латинском Западе и ее взаимоотношений с императорской властью. Следуя продекларированному в «Предисловии» методологическому подходу, М. А. Ведешкин уже в первом параграфе делает акцент на том, что сенаторская аристократия в IV в., будучи неразрывно связанной с официальными языческими культурами и поддерживая эти культы, стремилась сохранить один из важнейших источников своего экономического могущества, не утратить важного и устойчивого места в римской государственности и в римском социуме (с. 84 и далее). Вся же межконфессиональная борьба становится для исследователя внешним проявлением обострившегося на рубеже III-IV столетий конфликта между императорской властью, политика которой была направлена на централизацию и унификацию институтов государственного управления, и сенаторским сословием, стремившимся сохранить своё традиционное положение в римском государстве (с. 106).

Логично, что рассмотрение общего для монографии вопроса начинается с обращения к религиозной политике императора Константина I и его преемников, к сюжетам, казалось бы, уже многократно изученным, но по-прежнему дискуссионным. М. А. Ведешкин показывает (и с этим следует согласиться), что традиционный взгляд на религиозную

политику Константина Великого как на проводимую исключительно в интересах христианской Церкви лишает целостности наши представления о той эпохе. Очевидно, что большинство граждан в римском обществе, в том числе в его элите, на протяжении значительного периода оставалось языческим, с настроениями этой части элиты, прежде всего с настроениями представителей сенаторского сословия, императорам приходилось считаться. Так, император Константин в 326 г. во время торжеств по поводу двадцатилетия своего правления отказался от участия в языческих священнодействиях и этим вызвал возмущение и среди сенаторов, и в народе. Начавшиеся в городе беспорядки, вынудившие императора покинуть столицу, автор монографии не без основания связывает с интригами столичной знати, которая контролировала городские низы (с. 93). М. А. Ведешкин показывает, что императоры были вынуждены порой делать уступки так называемой «языческой» партии. Так, разрушение языческих храмов, практиковавшееся в начале правления Константа I, было прекращено императорским указом 342 г., что трактуется исследователем как вынужденная мера, вызванная стремлением к поддержанию общественного спокойствия (с. 95).

Обращаясь к изучению социальных отношений сквозь призму религиозного вопроса, автор монографии пытается по-своему реконструировать ход политических событий, опровергая при этом устоявшиеся в исторической науке взгляды. Он утверждает, в частности, что Констант I до конца своего правления пытался балансировать между аристократическими партиями, а узурпация власти Магненцием не должна восприниматься как ответ на якобы произошедшее ужесточение политики Константа в отношении язычников, как обычно представлялось в литературе. Серьезное наступление на язычников, а также на сторонников никейского вероисповедания в западных провинциях произошло лишь при Констанции II (с. 95–97). Но и политика Констанция не привела к уничтожению языческих культов, особенно в самом Риме. Как пишет исследователь, «фактически столичные культы оказались выведены из сферы действия антиязыческого законодательства... император, недавно присоединивший к своим владениям западные провинции империи, не имел возможности открыто выступать против столичной аристократии, и, несмотря на законы против язычества реалистично оценивал свое положение, ради усиления которого готов был пойти на союз с язычниками в римском сенате» (с. 100).

Автор монографии показывает, насколько официально проводимая политика, направленная на поддержание баланса сил между язычниками и христианами внутри элитарных групп, получала неожиданные повороты благодаря злоупотреблениям императорскими эдиктами, о чём свидетельствуют процессы о колдовстве во времена императора Валентиниана I, жертвами которых становились члены сенаторских фамилий, ложно обвиненные в использовании магии. При этом автор видит в этом не столько противостояние христиан и язычников, сколько борьбу «новой служилой знати со староримской аристократией за экономическую и социально-политическую гегемонию» (с. 104–105).

Рассмотрим теперь «Приложение I. «Сенаторская аристократия и христианство в начале — середине IV века». Материал этого раздела явно не вписывается в логику последовательного рассмотрения того, как реализовывалась императорская политика в отношении сенаторской аристократии на западе Империи и какое место в ней занимал религиозный вопрос. Тем не менее приложение I даёт возможность проследить внутреннюю эволюцию высшего римского социального слоя: каким образом и насколько динамично шла христианизация сенаторского сословия. Следуя уже сложившейся в историографии традиции, М. А. Ведешкин обращает особое внимание на роль в этом процессе женщин-аристократок, которым религиозные практики христианства (прежде всего раздача милостыни) давали возможность повысить свою социальную значимость. Обращение в христианскую веру римских матрон при сохранявшейся приверженности их мужей язычеству приводило к распространению «смешанных» семей, женская половина которых имела отличную от мужской веру. Многочисленные примеры того, как представители римской знати поддерживали языческие культы (строительство новых и обновление старых храмов, патронажная деятельность по отношению к провинциальным культам и др.), показывают, что несмотря на переход императоров на сторону Церкви процесс христианизации растянулся на весь IV в. и в этом столетии не завершился.

О продолжении религиозного противоборства свидетельствует материал третьего параграфа, посвящённого анализу ситуации на Западе в 80-е годы IV в. Касаясь известного противостояния христианства и язычества в конце IV в. об удалении алтаря Победы из здания курии, М. А. Ведешкин предлагает свой взгляд на это событие, видя целью делегации сенатора Симмаха к императору Грациану возвращение не столько самого алтаря, сколько жречеству — экономических

привилегий, а также сенаторам-язычникам — экономических и политических привилегий, предоставлявшихся им за «участие в отправлении государственного культа» (с. 126). В свою очередь, мероприятия самого императора исследователь трактует как направленные против элитного социально-экономического и политического положения senatorской аристократии. С другой стороны, проигрыш партии Симмаха свидетельствует о той силе, которую к концу IV столетия обрёл римский клир и аристократия, исповедовавшая христианство (с. 133–136).

Очевидное преодоление языческой оппозиции на Западе произошло лишь во времена правления Феодосия Великого после победы над узурпатором Евгением, которого традиционно рассматривали в качестве покровителя язычников. Поражение узурпатора осенью 394 г. повлекло за собой штрафы и конфискации имений у поддерживавших его сенаторов и амнистию только тем, кто перейдёт в христианство (с. 146). Именно с этого времени, в том числе благодаря крещению многочисленной клиентелы новообращённых сенаторов, получает серьёзный размах христианизация римского плебса, хотя присутствие язычников в Риме оставалось заметным и в начале V в., что подтверждается материалом пятого параграфа первой части работы. Тем не менее несмотря на сохранение среди римлян симпатий к язычеству, о чём свидетельствуют попытки разыграть в начале V столетия религиозную карту в политической игре, к середине века антихристианская оппозиция в Риме ослабела, а потом и сошла на нет. Выражением торжества христианства в аристократической среде стало активное проникновение отпрысков senatorских родов в высший клир, что стало характерным явлением именно в V в. Впрочем, для автора монографии поражение язычества — лишь внешнее проявление глубинных изменений, затронувших римское общество, результатом которых, по мнению исследователя, стал поиск представителями высших кругов опоры для своего могущества в лоне Церкви.

Во второй части монографии — «Языческая оппозиция в городах восточных провинций» — автор анализирует роль и место языческой оппозиции на востоке Римской империи. Смена исследовательского подхода и рассмотрение в одном случае единственно судьбы Рима и его населения (с небольшими попытками расширить исследовательское поле за счёт экскурсов в Галлию и Африку), а в другом — привлечение материала по истории ряда городов (кроме Константинополя, это Александрия, Газа Палестинская, Афины и др.) могут быть объяснены как исключительной ролью Рима в судьбе империи, так и спецификой

исторического пути восточной части империи, которая представляла из себя союз муниципиев, далеко не всегда тяготевших к политическому центру, как к источнику экономических ресурсов. Именно эта специфика жизни в восточных провинциях заставляет автора начать главу с небольшого параграфа, посвящённого общей характеристике куриальной аристократии в этой части римского мира (с. 168–174). Среди прочего автор стремится обратить внимание на роль, которую традиционно играли языческие культы в восточных муниципиях. Доходы храмовых хозяйств в значительной степени шли на нужды города, поддержку малоимущих слоёв населения, поэтому поддержка местных культов жителями муниципиев носила патриотический характер, а сами культы воспринимались как источник экономической, административной и духовной автономии (с. 173–174). Не удивительно, что в дальнейшем основной упор автором монографии делается на доказательстве того, что религиозный конфликт на востоке империи стал внешним и логичным выражением борьбы между императорской властью, стремящейся к централизации, и муниципиями, стремящимися сохранить свою автономию (с. 191–192).

Это вмешательство императорской власти во внутреннюю жизнь городских общин выражалось прежде всего в наступлении на их имущественные права и привилегии, которое стало заметным явлением уже во времена Диоклетиана и Константина Великого (второй параграф посвящён как раз анализу этой политики центра в отношении восточных городов в первой половине IV в.). Сокращение экономического базиса куриального сословия при сохранении литургий (различного рода трат на благо города от строительства дорог и мостов до устройства празднеств) делало принадлежность к этому сословию обременительным, многие из куриалов в этих условиях принимали духовный сан, как полагает исследователь, не столько следуя зову души, сколько ища экономических выгод, в частности освобождения от литургий.

На примере Александрии первой половины IV в. автор показывает, каким образом курия египетской столицы, по большей части состоящая из язычников, пыталась использовать в своих интересах борьбу открыто поддерживавшего ариан императора Констанция против свт. Афанасия Великого. Поддержав императора, александрийские куриалы, по мнению исследователя, с одной стороны, получали от него послабления в отпращивании языческих культов, а с другой, стремились, устранив свт. Афанасия, помешать установлению церковной монополии на хлебном рынке Египта (с. 194–195). Хрупкий «мир» между императорской властью и курией (внешне между арианами и язычниками) был разрушен

после упрочения позиций ариан во главе с епископом Георгием в городе в 357 г. Автор, характеризуя произошедшие перемены, обращает внимание прежде всего на вмешательство нового епископа в экономическую жизнь города, что якобы стало главной причиной возмущения местных жителей и привело к политическому конфликту.

Серьёзным и весьма добросовестным следует признать исследование религиозной политики императора Юлиана (параграф 3) — фигуры, привлекавшей, пожалуй, наиболее пристальное внимание исследователей религиозной ситуации в империи второй половины IV в. М. А. Ведешкин, оценивая политику Юлиана, видит в ней попытку восстановить силу и действенность муниципальной аристократии (с. 202), поддержать экономическую силу и восстановить моральный авторитет языческого жречества (с. 205). Эта политика, предусматривавшая, с одной стороны, восстановление позиций язычества, а с другой, вовсе не предполагала открытых репрессий против христиан (хотя автор и не отрицает примеров мученичества во времена Юлиана), очевидно, находила отклик у куриалов, о чём свидетельствуют не только литературные произведения современников, но и эпиграфический материал. В сохранившихся с той поры надписях звучит хвала в адрес Юлиана, которую исследователь не склонен приписывать исключительно сервильным чувствам населения (с. 218). Исследователь делает вывод о том, что реформы Юлиана способствовали «укреплению полисного строя и усилению куриального сословия», позволили языческой оппозиции «осознать свою многочисленность и политическую силу»; при этом он пишет, что «наиболее остро межрелигиозные столкновения проявлялись в регионах, где укрепление экономического положения христианской Церкви не сопровождалось христианизацией населения», то есть политика империи, направленная на поддержку христианства, ещё не имела серьёзной социальной базы (с. 220).

Верность избранному методологическому подходу автор проявляет и далее. Так, оценивая политику Валента II, исследователь пишет, что терпимая религиозная политика императора по отношению к язычникам «являлась не более чем прикрытием» для его социальных и политических преобразований и призвана была смягчить недовольство куриальных элит наступлением на их автономию (с. 225). Результатом обострения в отношениях между императорской властью и языческой оппозицией стал ряд восстаний и заговоров против Валента, в чём исследователь видит проявление «социально-политической и экономической борьбы между родовой аристократией восточных провинций и новой военно-чиновнической знатью» (с. 231).

Следует поддержать сделанную автором монографии корректировку существующих оценок религиозной политики Феодосия Великого на востоке империи. Он доказывает, что начало правления Феодосия связано с поиском примирения императорской и муниципальной властей, что требовало уступок и в религиозном вопросе (с. 234 и далее). «Отступление перед язычеством», как видно из текста монографии, происходило и в последующие годы правления Феодосия, который вынужден был реагировать на взрывы недовольства со стороны оппозиции. Свидетельством того, что императору приходилось лавировать между различными силами, стало сперва назначение в 384 г. префектом Востока ревностного никейца испанца Матерна Кинегия (с. 236), чья политика привела к наступлению на языческую оппозицию, а затем, в 388 г., назначение на эту должность язычника Татиана, представителя ликийской муниципальной знати (с. 246). И лишь противодействие со стороны клира и военно-чиновной знати не позволило оппозиции добиться окончательного успеха. В результате автор монографии доказывает, что политика Феодосия, которую традиционно рассматривают как сознательную поддержку православия императором, часто была реакцией императорского двора на конкретные политические события (в частности, беспорядки в Египте). Православие же утверждалось не столько мерами императорского двора, сколько действиями иных сил, в том числе местного клира и монашествующих.

В своей работе автор показывает и доказывает различную степень остроты религиозного вопроса на востоке империи, ставя её в зависимость от местных условий. В этой связи показателен предложенный экскурс в историю Газы Палестинской (Приложение III). В центр внимания автором поставлена фигура епископа Порфирия, который, столкнувшись с языческой оппозицией в городе, вынужден был искать поддержки в Константинополе у свт. Иоанна Златоуста и при императорском дворе. Использование военной силы и мер социальной поддержки низов позволили епископу одержать верх в противостоянии с местной знатью, что открыло путь к дальнейшей христианизации города (с. 261–264).

В двух следующих приложениях (IV и V) автор приводит примеры сохранения в восточных провинциях приверженцев язычества среди аристократов и, особенно, среди образованного населения на протяжении всего V столетия (рассмотрены Афины, города Малой Азии и Сиро-Палестинского региона). Сохранение языческих культов было вполне естественным явлением, если учесть общие невысокие темпы

христианизации. Очевидно, что чем менее радикальные средства для обращения местного населения в христианскую веру использовал епископат и светская власть, тем дольше сохранялось языческое влияние. Влияние языческой оппозиции приводило к тому, что императорское законодательство, направленное на полное искоренение идолопоклонства, как правило, не реализовывалось на практике.

Два последних параграфа книги посвящены анализу того, как развивалась ситуация на востоке империи в V-VI вв. М. А. Ведешкин показывает, что несмотря на официальный запрет для язычников занимать административные и военные должности в империи, мы на протяжении всего V в. сталкиваемся с нарушениями подобных предписаний. Порой приверженцы язычества или скрытые язычники занимали весьма высокие должности в государстве, становясь префектами претория. При этом известные отставки язычников с государственных должностей автор связывает не с их вероисповеданием, а с исходом борьбы придворных партий: поражение группировки, поддерживавшей муниципальную аристократию, вело к ослаблению язычников в государственном аппарате (с. 285). Очевидно, что в этот период язычество как система религиозного мировоззрения уже не представляло серьёзной угрозы, но продолжало служить средством мобилизации антиправительственных сил, подтверждением чему стал мятеж Илла и Леонтия, вдохновителем которого выступил философ Пампрепий (с. 287 и далее). При этом автор справедливо признаёт, что планы Илла восстановить язычество были обречены на неудачу, к тому же состав участников мятежа был весьма пёстрым и язычники не играли в нём ведущую роль (с. 290). Доказательством того, что данный мятеж не был простым противостоянием язычества христианству, служит для автора тот факт, что начавшееся после поражения мятежников наступление на языческие культы не носило общеимперского характера, а коснулось только общин, поддержавших Пампрепия (с. 292).

В VI в., как показывает исследователь, процесс централизации на востоке империи практически достиг завершения, муниципальные советы были лишены самоуправления, сословие куриалов к концу века сошло на нет (с. 294). Это позволило правительству перейти к решительным действиям против язычества. Впервые именно при Юстиниане I, как утверждает автор, существовавшие уже антиязыческие законы перестали носить преимущественно декларативный характер и стали применяться на практике (с. 295), к ним добавились новые, которые ограничивали в правах всякого человека, не причастного к христианской Церкви. В результате по стране прокатилось несколько волн репрессий,

направленных на сторонников языческих культов. Получив начало во времена Юстиниана, репрессии продолжились при его преемниках Тиберии II и Маврикии и, по существу, поставили точку в судьбе языческой оппозиции в Византии.

Давая монографии общую оценку, необходимо отметить её безусловный новаторский характер. Сквозь призму изучения языческой оппозиции в ней предложен особый взгляд на социальные и внутривнутриполитические процессы в Римской и Византийской империи IV-VI вв. Работу отличают концептуальная целостность, богатый фактический материал, благодаря которому авторские выводы выглядят весьма убедительными. Хорошее знакомство исследователя с историографической традицией, особенно с литературой последних десятилетий, позволило ему включить собственные наблюдения в рамки существующих научных дискуссий. Монография не может не заинтересовать тех, кому небезразлична история политической борьбы на исходе Античности, хотя и не удовлетворит, пожалуй, ожиданий тех читателей, которые хотели бы разобраться в дискуссиях между защитниками язычества и христианами в период, последовавший за эпохой гонений на Церковь.

Также необходимо сказать, что методологический подход, избранный М. А. Ведешкиным и последовательно им проводимый в монографии, на наш взгляд, приводит к заметному смещению акцентов в оценке исторических явлений. Предложенный взгляд на историю как на судьбу больших социальных групп, рассмотрение позднеантичной элиты как некоего единого целого, развивающегося под воздействием «объективных» причин, очевидно, упрощает саму историю. По существу, в монографии декларируется, что в основе тех или иных решений, в том числе касающихся веры, лежал исключительно прагматический выбор человека, продиктованный интересами социальной группы, в которой человек всецело растворён. Именно это, как нам кажется, лишает историю психологического напряжения, той внутренней борьбы, которая сопровождала и обращение многих представителей римской элиты в христианство, и отступничество от веры. При этом автор сам приводит примеры перехода некоторых христиан назад в язычество (см. особо Приложение V) и объясняет подобные шаги не только стремлением тех или иных лиц сохранить политическое и социальное влияние, но и сменой внутренних убеждений под воздействием пропаганды.

Высоко оценивая монографию М. А. Ведешкина как научный продукт, порой приходится сожалеть о её книжном исполнении. Автору настоящей рецензии в своё время довелось познакомиться с диссертацией М. А. Ведешкина, которая после некоторых изменений обрела вид нынешней монографии; рукопись, изложенная грамотным, ясным языком, имела определённые опечатки, большинство из которых так и остались не замечены корректором. К ним добавилось странное оформление колонтитулов. Используемые в них варианты сокращённых названий разделов порой искажают смысл заголовков. Например, название «Борьба языческой оппозиции в сенате за сохранение привилегий традиционных культов в 380–391 гг.» сократилось до варианта, который искажает идею параграфа: «Борьба языческой оппозиции за сохранение привилегий», а в случае с параграфом 6 второй части, который озаглавлен автором «Языческая оппозиция в Восточной Римской в конце IV-V вв.», произошло заметное смещение хронологических границ, ибо колонтитул гласит: «Языческая оппозиция в Восточной Римской в конце V в.». Но несмотря на эти огрехи, следует поздравить и автора, и издательство с выходом интересного труда, который, безусловно, уже нашёл и ещё найдёт своих читателей.

Библиография

- Ведешкин М. А.* Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв. СПб.: Алетейя, 2018.
- Козлов А. С.* Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395–399 гг. // *Античная древность и средние века.* 1976. Вып. 13. С. 24–37.
- Козлов А. С.* Основные направления политической оппозиции правительству Византии в 50 — начале 70-х гг. V в. // *Античная древность и средние века.* 1983. Вып. 20. С. 24–39.
- Козлов А. С.* Политическая оппозиция Византии на рубеже V–VI вв. // *Античная древность и средние века.* 1998. Вып. 29. С. 59–78.

Владимир Михайлович Тюленев